

УДК 101

Худяев Андрей Сергеевич

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

г. Архангельск, Россия

ordo-ad-chao@yandex.ru

**ОБРАЗ ARBOR INVERSA В САКРАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ¹**

[Khudyaev A.S. Image arbor inversa in sacral spaces of northern Eurasia]

The paper deals with the study of inverted tree image which may be found in some archaic cultures of the North. There are descriptions of various approaches to interpretation of it and also author's original point of view in the context of his research in the field of phenomenology and semiotics of sacred space. Rooting of cosmic tree in upper areas of the Universe and mirror contraposition of its various parts are considered as crucial moments for possible interpretation of Arbor Inversa image. Author also tries to formulate additional hypothesis where attention is focused on a liminal moment of the reversing which play center-generating role in genesis of cosmic order from position of religious-mythological consciousness. In the context of author's orientational model an inversion is considered as destruction of vertical orientations (directions) and subsequent genesis of a new horizontal structures of landscape where inverted shaman tree as a sign of outbreak of formless numinous principle generates central orientational point. This point is not subordinated by order but generates it around itself.

Key words: inverted tree, phenomenology of religion, cosmology, sacred geography, sacred space, orientation, traditional culture of people of Northern Eurasia

Один из ключевых для большинства традиционных космологий образ мирового дерева гораздо реже встречается в своем инвертированном (перевернутом) варианте. Отсюда и достаточно редкие попытки его философской и научной интерпретации в пределах гуманитарного знания. Среди немногочисленных специализированных по данной теме работ пионерской можно считать статью Е.Г. Кагарова, опубликованную в «Докладах Академии Наук СССР» в 1928 году [5]. Значимость этого отечественного исследовательского опыта среди всего прочего подтверждается и тем, что в последствии на перевод данной статьи ссылался один из классиков мирового религиоведения М. Элиаде, бегло затрагивая вопрос о перевернутом дереве в своей монографии, посвященной феномену шаманизма [15, с. 361].

Работа Кагарова начинается с описания уникального экземпляра «шаманского дерева», найденного на орочей реке Ботчи и имеющего инвертированный вид. Затем исследователь в кратком виде прослеживает историю проявления аналогичных образов в различных традициях: начиная с древнеиндийских священных текстов, арабских цитат на Платона, сочинений Филона Александрийского, и заканчивая манихейскими и каббалистическими источниками, древнерусской литературой и великорусскими заговорами. Кагаров делает вывод о том, что «мифологический образ опрокинутого дерева принимает в отдельных культурно-исторических циклах две формы: 1) космологического принципа (мировое дерево) и 2) ассоциации дерева с человеческой фигурой или антропоморфным духом...» [5, с. 334]. В последствии тема, затронутая Кагаровым, рассматривалась в отечественной науке достаточно редко. Среди немногочисленных примеров можно отметить статью В.Н.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и правительства Архангельской области (проект № 14-06-98809 p_север_a «Комплексное исследование культурной географии и этнокультурных ландшафтов прибрежных территорий Русского Севера»)

Топорова, вошедшую в фундаментальную энциклопедию «Мифы народов мира» [9], и некоторые другие работы, на которые мы будем ссылаться ниже.

Основной целью данной статьи является рассмотрение возможных подходов и способов интерпретации и выявления феноменологической сущности образа *arbor inversa*, выраженного в практиках различных традиционных культур, в частности тех, которые до недавнего времени сохраняли наиболее архаические свои элементы на территории Северной Евразии.

В качестве одно из первых моментов, на который может опираться герменевтика обозначенного образа, мы рассматриваем укорененность дерева в верхних областях космического пространства. У Платона человек ассоциируется с небесным растением, а его голова с корнем, который Божество привесило «оттуда, откуда произошла душа» [Цит. по: 5, с. 333]. В этой метафоре корень мироздания ассоциируется с божественным миром идей, в то время как ветви, представляют их конкретные «неидеальные» воплощения. Вероятно, подобный философский образ и концепция «человека-дерева», укорененного в верхних мирах, могли вырасти из более архаической интуиции. Этнограф Н.Н. Харузин, написавший фундаментальную труд об этнографии саамов (далеких от знания работ Платона), упоминает, что для изготовления изображения бога-громовержца лопарями «употреблялась всегда береза, причем туловище делалось из ее ствола, а голова из корней» [10, с. 165]. Указания на частные проявления образа перевернутого дерева в шаманских традициях коренных северных сибирских и дальневосточных народов можно встретить и у этнографов В. Чарнолуцкого [13, с. 79], Л.Я. Штернберг [14, с. 737-738], Ч.М. Таксами [7, с. 101] и др. При чисто дескриптивном характере упоминаний и отсутствии каких-либо значимых попыток интерпретации в этих трудах мотив укорененности в верхних областях мироздания формально может быть отнесен нами к любому из этих случаев и дополнительно подтверждаться некоторыми указаниями А.М. Сагалаева о том, что корни мирового дерева в рамках архаического Урало-Алтайского мировоззрения могли быть локализованы и совпадать с истоками мировых рек, вершинами гор и звездами [6, с. 109, 113]. Р. Генон в «Символах священной науки» относительно инверсии дерева пишет: «Легко понять, что если это так, то прежде всего потому, что корень олицетворяет первоначало, тогда как ветви – разворачивание проявленности» (Генон). В этом же труде Генон рассматривает инверсию на примере символа надкосмического дерева, укорененного и возвышающегося «над поверхностью вод», отражающегося в них (т.е. в проявленном мире) перевернутым образом [2, 351].

Следует отметить, что интерпретация образа перевернутого дерева с точки зрения момента его укорененности в верхних областях мироздания может быть очевидной лишь тогда, когда мы рассматриваем *arbor inversa* именно как дерево, у которого по определению есть корни и ветви. При этом необходимо помнить, что архаическая культура и в частности ритуально-мифологическая традиция Северной Евразии знает примеры пространственной инверсии в отношении других объектов, например, в пределах предметно-пространственной организации похоронных обрядов. В представленном Г.Н. Грачевой описании одного из ненецких захоронений особое внимание привлекают два артефакта: перевернутые нарты и найденная в таком же положении продырявленная эмалированная кастрюля [4, с. 253]. Часто отмечается, что на похоронах вещи покойника подвергаются специальной порче, иногда это объясняется тем, что загробный мир представляется зеркально противоположным человеческому миру. Однако порча в первую очередь предстает как разрушение структуры. И здесь можно предварительно отметить, что совпадение перевернутости объекта и его целенаправленной поломки должно подталкивать на мысль об ином значении феномена ритуальной инверсии, исключая вариант одного лишь стремления формально повторить зеркальную противоположность потустороннего мира.

Особый интерес представляют размышления Н.М. Теребихина, который, опираясь на некоторые построения В.Н. Топорова и исследуя мифо-ритуальный комплекс саамов, связывает смысл пространственной инверсии с общей эсхатологической направленностью

лопарской культуры. Последняя, согласно Теребихину, «обусловила инвертированность ее сакрального ядра – религиозно-мифологической модели мира. С помощью инверсии в мировой порядок вводится парадоксальная ситуация, превращающая упорядоченный космос в мир, вывернутый наизнанку» [8, с. 257]. Введение парадоксальной ситуации вслед за Топоровым рассматривается как один из способов сохранения традиции. Кроме того, автор отмечает, что саамская идея близка русской (христианской) идее, в основе которой лежит религиозный прорыв и выход за пределы «этого» мира, постижение преображенной «новой земли и нового неба» [Там же].

Схожее понимание можно найти в работах американского религиоведа Дж. З. Смита, исследующего проблему священного пространства на материалах древнеиудейской, раннехристианской и гностической традиции. В одном из своих эссе ученый рассматривает родственный по формальным признакам образу перевернутого дерева символ распятия апостола Петра. Официальная церковная доктрина трактует инвертированный крест как знак того, что Святой Петр, не посчитав себя достойным казни подобной той, какой предали Иисуса Христа, добровольно пожелал быть распятым вверх ногами [16, р. 152]. Дж. З. Смит, опираясь на ряд апокрифических текстов, и некоторые примеры из эллинистической традиции, высказывает предположение о том, что в основании решения Петра лежали иные мотивы. «Для Петра просьба о том, чтобы быть распятым верхом вниз, была стремлением к освобождению и обесчеловечиванию, она преследовала цель перевернуть естественный порядок, и сделать смерть актом восстания против человеческой природы и космичности. Парадоксально, но это явилось также актом рождения» [Ibid, р. 159]. Смит пишет о том, что в мотиве перевернутого креста присутствует архетип космического акта соединения, согласующегося и выражающего гностическое отношение к структурам космоса и положения человека в нем [Ibid, р. 159]. Греческие апокрифические тексты приписывают несколько вариантов откровения предсмертным речам Петра, в которых делается акцент на инверсии пространственных частей: «пока ты не обратишь свой низ верхом, а левое правым – ты не войдешь в царствие мое»; «пока ты не заменишь левое правым и не взглянешь на бесчестного как на честного ты не будешь способен обрести царствие небесное»; «пока ты не перевернешь низ верхом, а верх низом, правое левым, а левое правым – ты не войдешь в царствие небесное» [Ibid, р. 156].

Вернемся к шаманским деревьям Северной Евразии. Феноменология инверсии раскрывается как изменение существующих пространственных отношений и связанных с ними фундаментальных архетипов традиционной культуры на диаметрально противоположные. С одной стороны, мы усматриваем, что сама структура оппозиции никуда не уходит, и на основе этой явленности мы могли бы быть склонны интерпретировать образ перевернутого дерева именно с точки зрения укорененности в небесных сферах или зеркальной противоположности иного мира. С другой стороны, направляя сознание на сам момент переворачивания и воспринимая уже перевернутое дерево как знак этого момента, мы склонны видеть в его сущности некий способ обесценивания элементов пространства, освобождения от пространственных структур и смыслов. При этом данный процесс может совпадать с постулированием амбивалентного единства мира через формальное уравнивание его составляющих. Переворачивание воспринимается как способ перехода в маргинальное состояние, не что иное, как манифестация неуловимого разумными структурами нуминозного начала, которое, являясь «предельной реальностью» (И. Вах), не подчинено отношениям порядка, но становится условием и потенцией нового космогенеза, играет в нем центрообразующую роль. В священном пространстве шаманских ритуалов лиминальный момент переворачивания есть иерофания, а перевернутое дерево – ее знак, образующий сакральный центр, вокруг которого организуется вся остальная иеротопия ландшафта. С точки зрения ориентационной модели (см. другие публикации автора: [11]; [12]), в которой направление является минимумом и основным элементом, конституирующим сакральное пространство, *arbor inversa* представляет собой механизм «принесения в жертву» вертикальных ориентаций и возникновения новых гори-

зонтальных пространственных отношений и интенций (от человека (субъекта) к священному локусу или предмету (дереву); от начала пути к его цели и обратно). Здесь смысловое содержание, свойственное «верху» и «низу», переходит и сохраняется во внутренней семантике горизонтальных направлений.

При использовании данного подхода, уделяющего внимание именно моменту переворачивания, и при учете того, что в конструкциях сакральных локусов шаманские деревья не возвращаются в исходное положение, становится очевидным некоторое противоречие между описанными построениями и (в целом имеющими для автора важное методологическое значение) положениями классического традиционализма, где переворачивание символов связывается с целенаправленным разрушением и извращением «нормального» мироустройства, а восстановление порядка возможно лишь при последующем обратном повороте символа [3, с. 210]. Обращая на это внимание, мы должны все же отметить: сам Р. Генон пишет о том, что вопрос о переворачивании символов достаточно сложен и <...> достаточно тонок, так как для того, чтобы знать, с чем имеют дело действительно в том или ином случае, необходимо изучать не столько изображения, взятые <...> в их «материальности», сколько те интерпретации, которыми они сопровождаются и с помощью которых объясняется то намерение, которое предшествовало их применению» [Там же, с. 220]. В нашем случае непосредственный доступ к подобным интерпретациям и намерениям весьма ограничен и они возможны лишь как предмет реконструкции. При этом мы видим решение обозначенного выше противоречия в том, что перевернутое дерево, расположенное в священном локусе, уже не рассматривается носителем традиции как космос в своей целостной вертикальной проекции (ломающейся и обесценивающейся во время переворота), но становится конкретным полюсом (центром) обновленного мироздания, раскрывающегося уже в горизонтальных структурах ландшафта (мы предполагаем, что могут существовать и механизмы обратных переходов: от горизонтального к вертикальному). Переворачивание дерева в своей сущности перестает быть исключительно инверсией-разрушением, но вырастает как обновление космоса, его преобразование в качественно ином измерении.

В завершение статьи можно отметить, что феноменологию переворачивания как момента маргинального (лиминального) и в то же время центрообразующего, несущего в себе сакральный момент тремдумной Тайны (*Mysterium Tremendum*), можно, вероятно, усмотреть и в некоторых распространенных у северных народов видах гадательных практик, в рамках которых предсказание осуществляется через подбрасывание какого-нибудь предмета (например, шаманской колотушки у кетов [1, с. 417]). Результат гадания определяется в зависимости от того, какой стороной предмет упадет вверх, а какой вниз. Актуальное переживание нуминозного следует, на наш взгляд, относить к тому моменту, когда предмет находится в подвешенном неопределенном состоянии. Воспринятый же результат формирует конкретную упорядоченную структуру знания, как бы выстраивающуюся вокруг указанного момента.

Литература

1. Анучин В.И. Шаманские камлания // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII-XX вв.: хрестоматия. Т.1. СПб., 2011. – 496 с.
2. Генон Р. Символы священной науки. М., 2002.
3. Генон Р. Царство количества и знамения времени. М., 2011.
4. Грачева Г.Н. Погребальные сооружения ненцев устья Оби // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1971. Т. XXVII: Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX вв.
5. Кагаров Е.Г. Мифологический образ дерева, растущего корнями вверх // Доклады Академии Наук СССР, серия В. Л., 1928. №15.

6. Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск, 1991.
7. Таксами Ч.М. Система культов у нивхов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1977. Т. XXXIII: Памятники культуры народов Сибири и Севера.
8. Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск: Поморский университет, 2004.
9. Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.1. Москва, 1991.
10. Харузин Н.Н. Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта. М.: Высочайшее утвержденное товарищество Скоропечати А.А. Левенсон, 1890.
11. Худяев А.С. Сакральная география как система ориентаций в этнокультурном ландшафте ненцев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – Архангельск: ИПЦ САФУ, 2012. №6.
12. Худяев А.С. Концептуальная и операциональная модель исследования сакрального пространства // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. №4.
13. Чарнолуский В.В. В краю летучего камня. Записки этнографа. М., 1972.
14. Штернберг Л.Я. Культ орла у сибирских народов. Этюд по сравнительному фольклору // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.: Российская Государственная Академическая типография, 1917-1925. Т.V.
15. Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза. М., 2014.
16. Smith J.Z. Map is not territory: studies in the history of religion. Chicago and London: University of Chicago Press, 1993.

References

1. Anuchin V.I. Shamanistic rituals // Shamanism of Siberia peoples. Ethnographic articles of XVIII-XX century: anthology. Vol.1. St. Petersburg, 2011.
2. Guenon R. Symbols of sacred science. Moscow, 2002.
3. Guenon R. The Reign of Quantity and the Signs of the Times. Moscow, 2011.
4. Grachjova G.N. Nenets Funeral constructions of the Ob's mouth // Collection of the Museum of anthropology and ethnography. Vol. XXVII. Leningrad, 1971.
5. Kagarov E.G. Mythological image of tree that grows from above // The Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Of 1928. Number 15.
6. Sagalaev A.M. Ural-Altaic mythology: symbol and archetype. Novosibirsk, 1991.
7. Taksami Ch.M. Nivkh's system of cults // Collection of the Museum of anthropology and ethnography. Vol. XXXIII. Leningrad, 1977.
8. Terebikhin N.M. Metaphysics of the North. Arkhangelsk, 2004.
9. Toporov V.N. World tree // Myths of the World. Vol. 1. Moscow, 1991.
10. Haruzin N.N. Russian Laplanders. Essays on the past and modern life. Moscow, 1890.
11. Khudyaev A.S. Sacred geography as a system of spatial orientations in the ethnocultural landscape of the nenets // Vestnik of Northern Arctic (federal) university. Of 2012. Number 6.
12. Khudyaev A.S. Conceptual and operational model of investigation of sacred space // Vestnik of Northern Arctic (federal) university. Of 2013. Number 4.
13. Charnolusskiy V.V. At the land of Flying Stone. Moscow, 1972.
14. Shternberg L.J. The Eagle cult of Siberian peoples // Collection of the Museum of anthropology and ethnography. Vol. V. Leningrad, 1917-1925.
15. Eliade M. Shamanism: Archaic techniques of extasy. Moscow, 2014.
16. Smith J.Z. Map is not territory: studies in the history of religion. Chicago and London, 1993.

14 мая 2014 г.
